

Andrey D. Nazarov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Naming and Identities of Germanic Immigrants in the Eastern Roman Empire (5th–6th Centuries)

Voprosy onomastiki, 2022, Vol. 19, Issue 1, pp. 30–44

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.002

Language of the article: Russian

Назаров Андрей Дмитриевич

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Имянаречение и идентичности германских иммигрантов в Восточной Римской империи (V–VI вв.)

Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 1. С. 30–44

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.002

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.002
УДК 94(495) + 811.11'373.231 + 316.4 +
+ 316.1:314.74

А. Д. Назаров
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРМАНСКИХ ИММИГРАНТОВ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (V–VI вв.)

Статья посвящена практикам имянаречения у германцев, обосновавшихся в Восточной Римской империи в период Великого переселения народов. Автором были привлечены свидетельства как нарративных, так и эпиграфических источников. Многие иммигранты, оказавшись в чуждой им культурной среде, стремились сохранить собственные идентичности. В частности, в качестве средства поддержания семейной памяти некоторые готы, жившие в Византии, давали своим детям имена, которые свидетельствовали о принадлежности последних к тому или иному роду. Таким образом действовали семейства варварского происхождения, входившие в состав высшей византийской знати. Подобные факты свидетельствуют о том, что социальное окружение таких иммигрантов и их потомков в целом относилось к ним благожелательно. Впрочем, со второй половины VI в. члены этих родов начинают фигурировать главным образом под греческими и латинскими именами, что можно связать с ростом религиозности в аристократических кругах. Что касается незнатных переселенцев, процесс интеграции, а вместе с ним и ассимиляции таких лиц в значительной мере зависел от социального окружения и характера контактов с ним. Так, многие готы, обитавшие во Фракии, сохраняли свои идентичности по меньшей мере до конца VI в. По всей вероятности, они проживали обособленно от автохтонного населения. Как следствие, традиция наречения собственных потомков германскими именами существовала среди них долгое время. Наконец, готы, военная служба которых проходила в Малой Азии, достаточно быстро ассимилировались в новой среде. Свидетельством является тот факт, что во всех известных нам случаях их сыновья получали негерманские имена.

© Назаров А. Д., 2022

Ключевые слова: Восточная Римская империя; Византия; готы; социальная память; германская антропонимия; имянаречение; ассимиляция

В эпоху Великого переселения народов множество готов и других представителей восточногерманских общностей обосновалось на территории Восточной Римской империи. Перед переселенцами обозначились серьезные проблемы: с одной стороны, жизненно важной была необходимость адаптации к новой социальной среде, с другой же — не менее важно было сохранить собственные идентичности. Поддержание традиций выражалось в том числе посредством наречения новых членов семейств такими именами, которые должны были обозначить их связь с предками. Обращение к изучению германских антропонимов на греческом Востоке позволит расширить представления о процессах ассимиляции варваров в ранневизантийском обществе.

К проблемам интеграции германцев в социальные структуры Восточной Римской империи исследователи обращались лишь эпизодически. Предметом их внимания в основном становились отдельные сюжеты политической истории ранней Византии. Что касается ономастического материала, следует упомянуть работу У. Хуттнера, который проанализировал греческие надписи с упоминанием германских антропонимов [Huttner, 2018]. Между тем значительно большее внимание в историографии уделяется осмыслению того, как социокультурные трансформации V–VI вв. отразились на антропонимии поздне- и постримского Запада [Greule, Springer, 2009, 43–140; Haubrichs, Jochum-Godglück, 2019, 1–139].

Важно учитывать, что в социальном и культурном отношении Восточная Римская империя была неоднородным государством. Следовательно, способы репрезентации варварских семейств в публичной сфере различались в зависимости от региона, в котором они проживали. По этой причине имеет смысл разбить представленное исследование на три части. Первая из них посвящена готам, входившим в состав высшей византийской аристократии; вторая — иммигрантам, обитавшим во Фракии; третья же — германцам, служба которых проходила в Малой Азии.

1. Готы среди высшей восточноримской знати

В Константинополе проживало значительное число выходцев из *barbaricum*. Немало иммигрантов входило в состав высшего начальства вооруженных сил Византии. Их потомки также служили в императорской армии и достигали назначения на крупные руководящие должности. Это обусловило значительный интерес, который проявляли к ним ранневизантийские писатели, освещавшие политическую историю империи. Частота упоминаний подобных лиц в нарративных памятниках дает благоприятную возможность изучить, какими принципами руководствовались члены этих родов при наречении своих детей.

При этом важно оговориться, что судьбы таких семейств не были связаны исключительно с Константинополем. Как представители служилой знати иммигранты и их потомки назначались на командные посты в провинциях империи. Тем не менее в восточноримской столице могли оставаться их жены и дети, там же находилась недвижимость этих лиц. После смещения с должностей они возвращались именно в Константинополь, являвший собой политический центр государства. Такая необходимость объяснялась и тем, что поддержание связей с императорами и их окружением имело важное значение для обеспечения карьерного продвижения, укрепления собственного авторитета в обществе.

В первую очередь следует назвать готский род Ареобиндингов. Он вел начало от *Ареобинда* (*Areobindus*, Ἀρεόβινδος) († 449), первое упоминание о котором связано с его участием в византийско-иранской войне 420–422 гг. (Malal. XIV: 23) [PLRE, 2, 145–146]. Известно о представителях пяти поколений Ареобиндингов. Необходимо обратить внимание на чередование имен в этом роду: первый из членов упомянутого семейства был назван *Ареобиндом*; его сына звали *Дагалайф* (*Dagalaifus*, Δαγαλαίφος); потомок последнего фигурирует в нарративных памятниках под именем *Ареобинд* (Malal. XVI: 9; Theoph. AM 5997) [Там же, 143–144, 340–341], которое должен был получить в память о деде. Такая традиция именнаяречения была связана с представлениями древних германцев о переселении душ, в соответствии с которыми новорожденному нередко давали имя умершего предка, т. е., по сути, родовое имя [Storm, 1893].

Интересно, что сын последнего Ареобинда от брака с Аницией Юлианой († 528) получил имя *Олибрий* (Malal. XVI: 1). Очевидно, наречен он был в честь своего деда — западноримского императора *Олибрия*, который правил несколько месяцев в 472 г. Между тем упомянутый представитель третьего поколения Ареобиндингов в 506 г. был удостоен консульских почестей. На диптихах из слоновой кости, изготовленных по такому случаю, был выгравирован следующий текст [CIL, 11, 8137 = CIL, 13, 5245]:

Fl(avius) Areob(indus) Dagal(aifus) Areobindus v(ir) i(llu)stris | ex c(omite) sac(ri) sta(buli) et m(agister) m(ilitum) p(er) Or(ientem) ex c(onsule) c(onsul) ord(inarius)

«Флавий Ареобинд Дагалайф Ареобинд, иллюстрий, экс-комит священной конюшни и военный магистр Востока, экс-консул, ординарный консул».

Полное имя консула на этих памятниках включает в себя несколько компонентов. Во-первых, это гентилиций *Флавий*, который, начиная с Константина I Великого (306–337), являлся неотъемлемой частью титулатуры римских правителей. Он к тому же принимался должностными лицами на императорской службе в качестве акта символической адопции, что было средством выражения лояльности правящим особам [Haubrichs, 2019, 5]. Во-вторых, на диптихах указаны родовые имена, маркировавшие семейную идентичность консула, — *Ареобинд Дагалайф*. В-третьих, на них начертано его личное имя — *Ареобинд*. В. Хаубрихс

отмечает, что римский обычай множественных имен был принят некоторыми германцами на латинском Западе [Haubrichs, 2019, 6]. Как можно заметить, в Византии протекали схожие процессы.

Опираясь на информацию о распространенной среди древних германцев традиции имянаречения, Э. Штайн предположил, что продолжателем рода Ареобиндингов был Дагалайф. Позиция исследователя была поддержана А. А. Чекаловой [Stein, 1949, 163, note 3; Чекалова, 2010, 144, прим. 3]. По всей видимости, Дагалайф был сыном Ареобинда от первого брака и, таким образом, единокровным братом Олибрия-младшего. Из всех византийских писателей о нем сообщал только Феофан Исповедник, благодаря которому известно, что в 509 г. Дагалайф занимал пост комита Египта (Theoph. AM 6001).

Предположительно, этому Дагалайфу принадлежала печать из коллекции Государственного Эрмитажа, на которой он был назван патрикием (*Dagalaifi, patricii*) [Степанова, 2006, 26–27, № 14]. Это означает, что ее хозяину был пожалован высший придворный титул. Такая информация, на наш взгляд, служит дополнительным аргументом в пользу принадлежности комита Египта Дагалайфа, обладавшего чином патрикия, к роду Ареобиндингов. Пятое поколение этого семейства было, по мнению А. А. Чекаловой, представлено *Ареобиндом* [Чекалова, 2010, 144, прим. 3]. Его нахождение в рядах столичной аристократии подтверждается браком с Прейектой, сестрой императора Юстиниана I. Этот Ареобинд в 546 г. погиб в Африке, не оставив потомства (Proc. BV. II: 26.33) [PLRE, 3, 107–109].

Между тем антропоним *Ареобинд* был достаточно широко распространен среди германцев в Восточной Римской империи. В частности, под этим именем известны наместник Крита середины V в. [Begass, 2014], а также чиновник, занимавший при Юстиниане I (527–565) посты префекта Константинополя, префекта претория Востока и военного магистра [PLRE, 3, 110]. Кроме того, имеются сведения о Флавии Ареобинде Марциалии, осуществлявшем обязанности магистра оффиций в середине V в. Как полагает Дж. Мартиндейл, он был сыном сестры Ареобинда, родоначальника семейства Ареобиндингов, и некоего римлянина [PLRE, 2, 729]. В нарративных памятниках этот чиновник всегда назывался Марциалием, имя *Ареобинд* же в данном случае является родовым.

Представляет также интерес надгробная эпитафия из Константинополя, посвященная воину Аниле [Schneider, 1937, 177]:

[† Ἐν]θάδε κατά[κει]ται Ἀνίλας ὁ τῆς μ[α]καρίας μνήμης διαφέρων | ὄκου τῶ(ν)
 Αρεοβίνδ[ου] | ὑπὸ δεσπο[τί]αν Βαδουαρ[ίου]. [καὶ] Θεοδόρας τῆς | [ἐν]δόξου μνήμης
 γεν[ά]μενος | ἴωρ | στρατίας ὑπ[ὸ] | μέρος Ἀρκαδο . . . | Μ(ηνὸς) Ἀπριλίου δεκ[άτη] | . .
 ρα π[ε]τι ιϑνος

«† Здесь лежит Анила, блаженной памятью отличающийся, из дома Ареобинда под деспотией Бадуария и Феодоры, которая славной памятью известна. Сенатор (младшая командная должность. — А. Н.) (?) войска при подразделении *Arcadiaci* (?). 10 апреля...»

Вероятнее всего, *Анила*, носитель восточногерманского имени [Schönfeld, 1911, 40], был связан узами родства с кланом Ареобиндингов. При этом он находился под патронатом некоей Феодоры. Возможно, речь шла об императрице, супруге Юстиниана I. Текст эпитафии сообщает еще об одном покровителе Анилы — Бадуарии. Необходимость в поддержке таких лиц означает, что клиент Феодоры и Бадуария все же не был близким родственником Ареобинда.

В источниках содержатся сведения еще об одном восточноримском семействе готского происхождения. Первого из известных его представителей звали *Арнегискл* (*Arnegisclus*) († 447) [PLRE, 2, 151]. Его сын *Анагаст* (*Αναγαστος*) по примеру отца также служил в армии (Ioann. Ant. fr.: 229.2) [Там же, 75–76]. Вместе с тем в хронике Иоанна Бикларского упомянут патрикий *Анагаст* (*Anagastes*), который приходился отцом военному магистру *Роману*, нанесшему поражение сванам в 576 г. (Ioann. Bicl. s.a. 576). Менандр Протектор упоминал также некоего *Ананкаста* (*Αναγκαστης*), который привел в Константинополь тюркских послов (Menand. fr.: 19.1). Как предположил Дж. Мартиндейл, последний идентифицируется с *Анагастом*, о котором сообщал Иоанн Бикларский. Вероятно, он являлся внуком первого Анагаста и правнуком Арнегискла [PLRE, 3, 59]. Таким образом, на протяжении жизни по меньшей мере четырех поколений в семействе Арнегислингов детям давались готские имена.

Можно сопоставить приведенные выше сведения с данными о византийском семействе Ардабуридов, которые происходили из ираноязычных алан. Представитель третьего поколения этого рода носил такое же имя, как и дед, — *Ардабур*, тогда как его единокровного брата звали *Эрминерих* (*Herminericus*, *Ἀρμενάριχος*) (Ioann. Ant. fr.: 237.4) [PLRE, 2, 135–137, 549]. Последний был сыном Аспара и, вероятно, тетки либо сестры готского вождя Теодориха Страбона, который обосновался в Восточной Римской империи в третьей четверти V в. (Theoph. AM 5964, 5970). Возможно, антропоним *Эрминерих* носил кто-то из близких родственников упомянутого варварского предводителя. В этом случае Аспар, назвав таким же именем своего сына, желал продемонстрировать Теодориху Страбону, как высоко он ценил родство с ним.

Следует оговориться, что еще один сын Аспара получил латинское имя — *Патрикий* (*Patricius*, *Πατρίκιος*) (Theoph. AM 5961, 5963, 5964), тогда как дочь была названа *Годисфеей* (*Γοδισθέας*) (Theoph. AM 5997) [PLRE, 2, 516, 842–843]. Этимология последнего антропонима связана с германскими языками [Топорова, 1996, 28]. В Восточную Римскую империю, кроме того, переселились многие члены остготского королевского рода Амалов. Известен *Гунтихис* по прозвищу *База* (*Gunthicis, qui et Baza*), который занимал должность военного магистра в первой половине VI в. Он являлся сыном *Андагиса*, служившего еще самому предводителю гуннов Аттиле (Iord. Get.: 209, 266) [Там же, 86, 526]. Родился *Гунтихис*, по всей видимости, уже в Византии.

Наконец, в источниках упоминаются обладатели германских имен, чьи родственные связи не были освещены столь подробно. Так, известны два *Бадуария* (Βαδουάριος, *Baduarius*) [Schönfeld, 1911, 40; Топорова, 1996, 12], сделавших успешные карьеры в вооруженных силах. Первый из них служил при Юстиниане I (Malal. XVIII: 14; Theoph. AM 6020, 6031) [PLRE, 3, 163–164]. Вероятно, именно он был патроном ранее упомянутого Анилы. Другой *Бадуарий* († 576) возвысился при Юстине II (565–578), которому приходился племянником (Ioann. Vicl. s.a. 576; Theoph. AM 6065) [Там же, 164–165]. Вместе с тем Прокопий Кесарийский писал, что зятем Антонины, жены выдающегося византийского военачальника Велисария, был *Ильдигер* (Ἰλδίγερ) (Proc. BV. II: 8.24) [Förstemann, 1856, 672–674; Schönfeld, 1911, 145; Топорова, 1996, 29]. Последний, занимая различные командные должности, принимал активное участие в боевых действиях в Африке, Италии и Персармении во второй четверти VI в. [PLRE, 3, 615–616].

Несмотря на фрагментарность сведений о родственных связях упомянутых носителей германских имен, можно утверждать, что они происходили из знатных родов. По всей вероятности, их отцы и деды достигли значимых позиций в армейской иерархии и обрели существенное влияние в придворных кругах. Это позволило семейству, членом которого был Бадуарий, породниться с родственниками Юстина II. В свою очередь, Ильдигер женился на дочери Антонины от первого брака. Антонина же входила в круг доверенных лиц императрицы Феодоры. В данном случае важно подтвердить, что переселенцы и их потомки, карьеры которых были связаны с императорским двором, продолжали давать германские имена своим детям.

Примеры Ареобиндингов, Арнегисклингов, Ардабуридов демонстрируют, как члены этих родов берегли собственные семейные идентичности. Потомки германских и аланских иммигрантов не стремились к отказу от родовых имен, несмотря на варварское происхождение. Это, среди прочего, свидетельствует об отсутствии давления со стороны социального окружения переселенцев. Выходцы из среды служилой знати, имевшие чужеземное происхождение, жили во вполне благожелательной по отношению к ним атмосфере. Кроме того, их родовые имена превращались в символический капитал, позволявший представителям таких семейств рассчитывать на всеобщее признание. В Восточной Римской империи не было передававшихся по наследству должностей, однако принадлежность к знатным фамилиям значительно упрощала карьерное продвижение членов подобных родов.

Впрочем, далеко не все иммигранты из аристократических семейств давали своим детям германские имена. Например, сына гота *Плинты* (*Plinthas*, Πλίνθας), консула 419 г., звали *Арматий* (Ἀρμάτιος) [PLRE, 2, 148, 892–893], т. е. он был носителем латинского антропонима. Как утверждает В. Брандес, следующими в этом роду были *Василиск* (*Basiliscus*, Βασίλισκος), узурпировавший императорскую власть в 475 г., и *Верина* (*Verina*, Βηρίνη), супруга императора Льва I

[Brandes, 1993, 426–427, 432; PLRE, 2, 212–214, 1156]. Имена их, как видно, имеют греческую и латинскую этимологию соответственно. Наконец, известны два военачальника V в., которые получили христианское имя *Иоанн*. Один из них имел прозвище *Вандал* (Ἰωάννης ὁ λεγόμενος Οὐανδαλός) (Theoph. AM 5938), другой же именовался *Скифом* (Ἰωάννης ὁ Σκύθης) (Ioann. Ant. fr.: 236, 237.1), что указывало на их этническое происхождение [PLRE, 2, 597, 602–603]¹.

Кроме того, нельзя исключать наличие двуименности среди германских переселенцев в Византии. При рождении им могли даваться имена, маркировавшие принадлежность к определенному семейству, при крещении же их нарекали христианскими именами. Известен подобного рода пример двуименности, относящийся, однако, к языческим верованиям. Аммиан Марцеллин писал, что Медерих, один из аламаннских *reges* третьей четверти IV в., долгое время жил в Римской империи, где принимал участие в «некоторых греческих мистериях». Впоследствии он дал своему сыну *Агенарику* еще одно имя — *Серапион* (*Serapio*), очевидно, в честь бога Сераписа (Amm. Marc. XVI: 12.25).

В сочинении патриарха Константинопольского Никифора сообщается о незаконнорожденном сыне императора Ираклия (610–641) по имени *Иоанн*, которого также звали *Аталарих* (Ἰωάννης τοῦνομα, ὃν δὴ καὶ Ἀταλάριχον ἐκάλεσε) (Nik. Brev.: 13, 24) [PLRE, 3, 706]. В. Брандес пришел к выводу, что он принадлежал к роду Амалов, члены которого правили Италией в 493–534 гг. В ходе византийско-остготских войн 535–554 гг. многие его представители оказались в Константинополе [Brandes, 2009, 306–316]. Представляет также интерес печать VII в. с легендой «Ἰωάννου Ἀρεοβίνδου» («Иоанна Ареобинда») [SEG, 53, 2132.73]. Примеры *Иоанна Аталариха*, *Иоанна Ареобинда*, а возможно, и упомянутого ранее *Романа*, сына Анагаста, могут указывать на значительный поворот, который произошел в сознании столичной аристократии в последние десятилетия VI в.

Представители византийской знати варварского происхождения V — первой половины VI столетия фигурируют главным образом под германскими (или аланскими) именами. Вполне возможно, у них были и крестильные имена. Однако далеко не все их обладатели считали необходимым презентовать себя в публичной сфере, используя такие антропонимы. Интересен в этом контексте пример патриарха Константинопольского *Фравиты* (*Fravitas*, Φραβίτας) (489–490) [Schönfeld, 1911, 92–93]. К сожалению, источники умалчивают о его прошлом, за исключением того, что до избрания на патриаршество он был пресвитером в храме св. Феклы, который находился в пригороде Константинополя (Lib. Brev.: 18;

¹ В древнегреческой и византийской нарративной традиции для обозначения общностей, живших к северу и северо-востоку от устья Дуная, использовался архаизированный этноним «скифы». Так могли называться не только сами скифы, но и сарматы, готы, тюркоязычные номады (печенеги, куманы и др.).

cf.: Theoph. AM 5981). Весьма примечательно, что даже после принятия монашества, а затем рукоположения в пресвитеры *Фравита* продолжал носить готское имя.

Однако начиная со второй половины VI в. в источниках, а значит и в общественной жизни, потомки переселенцев из *barbaricum* стали появляться преимущественно под христианскими именами. В чем же причина таких перемен? Для поиска ответа на этот вопрос можно обратиться к выводу М. Майера, согласно которому после смерти Юстиниана I в 565 г. в империи происходило «усиленное проникновение христианского символизма, христианского содержания и христианских моделей интерпретации во все формы общения и действий». Военные неудачи и особенно многочисленные природные катастрофы привели к росту религиозности в византийском социуме [Meier, 2020, 267–271]. В такой обстановке вполне логичен выбор тех лиц, которые возводили свои родословные к чужеземцам, в пользу христианских имен, что имело целью демонстрацию собственного благочестия.

Позволим себе предположить, что даже после VI в. в семьях варварского происхождения детям продолжали даваться родовые имена, этимология которых восходила к германским языкам. Такая практика не была ориентирована на публичную сферу. Она была средством сохранения памяти о предках и использовалась главным образом для поддержания фамильных идентичностей. Тем не менее через какое-то время эта традиция стала отмирать, что привело к окончательной ассимиляции потомков германских переселенцев в византийском социуме.

2. Готы во Фракии

В основной массе иммигранты из *barbaricum* размещались на севере диоцеза Фракия. Мужчины из этих общин призывались в вооруженные силы, где они служили в отрядах федератов. Впоследствии такие бойцы могли переводиться в другие подразделения императорской армии. В «Истории войн» Прокопия Кесарийского упоминается значительное число носителей германских антропонимов, которые сражались под византийскими знаменами: *Алтия* (Ἀλθία), *Гундульф*, также именуемый *Индюльфом* (Γουνδοῦλφ, Ἴνδοῦλφ), *Мундила* (Μουνδίλας), *Рикила* (Ῥικίλας), *Туримут* (Θουριμούθ), *Улиарис* (Οὐλίαρικς), *Унигаст* (Οὐνίγαστος) и др. [PLRE, 3, 49, 618–619, 901–902, 1087, 1322–1323, 1387–1388, 1392]. Нерегулярный характер связей групп иммигрантов с населением латино- и грекоязычных территорий империи мог содействовать сохранению идентичностей этих переселенцев.

Впрочем, в отряды федератов принимали не только германцев, но и других жителей Фракии [Scharf, 2001, 69–70]. Прокопий Кесарийский перечислил командиров этого корпуса в византийско-вандалской войне 533–534 гг., среди которых находились один выходец из Месопотамии и один гунн-массагет, почти все остальные были родом из Фракии. Причем германское имя среди них носил только *Алтия* (Proc. BV. I: 11.5–10). Необходимо, однако, учитывать полиэтничный

характер населения территорий Нижнего Подунавья в позднеантичную эпоху [Amory, 1997, 127–129].

В этом контексте представляет интерес фигура *Виталиана* († 520), предводителя мятежа против императора Анастасия I (491–518) [PLRE, 2, 1171–1176]. Псевдо-Захария Митиленский писал, что он был готом, тогда как Марцеллин Комит именовал военачальника скифом (*Zach. VII: 13; Marc. Com. s.a. 514*). Местом его рождения было поселение Залдаба во Второй Мезии, располагавшееся вблизи границы с провинцией Малая Скифия (Ioann. Ant. fr.: 242.1). Известно, что Виталиан участвовал в византийско-персидской войне 502–506 гг. вместе со своим отцом *Патрикиолом* (Πατρικόλος), который в ходе этого конфликта занимал пост комита федератов [Там же, 837]. Имена обоих этих командиров являются латинскими.

Помимо сообщения псевдо-Захарии, явных указаний на германское происхождение Виталиана нет. Можно только предположить, что он являлся выходцем из гото-фракийского семейства. Примеры браков между автохтонными жителями Балканского полуострова и иммигрантами в позднеантичный период неизвестны, однако наличие таких союзов представляется вполне возможным. Дж. Мартиндейл, опираясь на сведения Иоанна Малалы (Κουζτίας ὁ Βιταλιανοῦ) (Malal. XVIII: 26), утверждал, что у Виталиана был сын *Кутза* (Κούτζης) [PLRE, 3, 366]. Последний, являвшийся уроженцем Фракии, приходился братом *Бузе* (Βούζης) и *Бенилу* (Βενίλος), которые также занимали руководящие должности в восточноримской армии [Там же, 224–225, 254–257]. Этимология этих имен, по всей видимости, связана с языками народов, населявших Балканский полуостров до римских завоеваний. Интересен пример византийского военачальника *Бессы* (Bessa, Βέσσας), который «готом был по рождению из тех, что издавна во Фракии проживали и за Теодорихом [Амалом] не последовали, когда он оттуда в Италию народ готов повел» (Proc. VP. I: 8.3; cf. Iord. Get.: 264). Имя его определяется как греко-фракийское [PLRE, 2, 226–229; Amory, 1997, 98–99].

Кроме того, готы состояли в отрядах дворцовой стражи (*scholae palatinae*). В частности, доказательством тому служит следующая надгробная надпись из Константинополя [Schneider, 1937, 176]:

† Ἐνθά | κατά|κτε ἡ | τῆς μα|καρίας | μνήμης Οὐλιφρί|δα γυνῆ εἰ|χολα|ρίου Θεουδᾶ
«† Здесь лежит блаженной памяти Улифрида, жена схолария Тиуды».

Супруга воина-гота на восточноримской службе, судя по имени, происходила из той же этнической группы, что и ее муж. По всей вероятности, эта семья переместилась в столицу Византии из какого-то фракийского поселения. Нет оснований утверждать, что Тиуда и Улифрида были уроженцами Константинополя. В ряды палатинских схол и других подразделений императорской стражи принимали как провинциалов, так и детей знатных варварских семейств, которые обитали за пределами империи или на ее окраинах.

Иоанн Эфесский упоминал, что при Тиверии II (578–582) из-за угрозы вторжений авар была проведена эвакуация жителей Нижнего Подунавья, в том числе и готов. Из мужчин были сформированы отряды, отправленные впоследствии на войну с Персией, остальные же были размещены в Константинополе (Iohan. Ephes. III: 13, 26). Известно несколько надписей конца VI — начала VII в. из византийской столицы, в которых упомянуты федераты с предположительно фракийским (Νιστότζας), а также аланским (Κανδίκ) и германскими (Σέρνας, Οὐαλδαρίχ) именами [Scharf, 2001, 91–99]. Таким образом, по меньшей мере до конца VI в. многие варвары, жившие во Фракии, нарекали своих детей по тому же обычаю, что и их предки.

3. Готы в Малой Азии

Германцы, которые зачислялись в регулярные подразделения, нередко несли службу в отдаленных провинциях, где обзаводились новыми социальными связями. Конечно же, многие из них принимали господствовавшие в непривычной среде обычаи, женились на местных жительницах и сводили к минимуму контакты со своими сородичами. В данном контексте особенно примечательна строительная надпись из Дорилея (совр. Эскишехир) [SEG, 34, 1292]:

† Αὐξιαγάθων ὁ καὶ Ἀρίν|θεος στρατιώτης βίαρχος | σὺν τῇ γαμετῇ αὐτοῦ Ἀλεξῆ | κὲ τῶν παιδίων αὐτῶν | Σευήρου καὶ Κομητᾶ τὸν | εὐκτῆριον οἶκον ΝΠ | - - - - - ΡΑΝ - -
 «† Авксиагафон, также [известный как] Аринфей, воин в должности биарха, со своей женой Алексой и своими детьми Севером и Комитой молитвенный дом [построил]...»

Аринфей — распространенное восточногерманское имя среди переселенцев из *barbaricum* в Восточной Римской империи [Förstemann, 1856, 118; Schönfeld, 1911, 26; Топорова, 1996, 24]. *Авксиагафон* (букв. «Увеличивающий добро»), как подчеркивает У. Хуттнер, являет собой агномен или суперномен, т. е. личное прозвище [Huttner, 2018, 189–190]. Его обладатель явно стремился обрести авторитет в христианской общине Дорилея, что оказывало влияние на самосознание *Авксиагафона Аринфея*. Как можно заметить, германец ориентировался на интеграцию в сообщество этого города, вследствие чего усвоил поведенческие модели, распространенные в такой среде. Это выразилось не только в финансировании строительства «молитвенного дома», но и в наречении сыновей латинским и греческим именами. Однако преодоление культурного барьера вело к размыванию прежней идентичности Аринфея, который в публичной сфере был более известен как *Авксиагафон*.

Кроме того, нужно обратить внимание на надгробную надпись из Пантхия (совр. Пендик) в Вифинии [Μηλιόπουλος, 1930, 246–247]:

Ἐνθά|δε κατὰ|κτε Στέφανος| πιστὸς υἱὸς | Ῥικίμερ ἐτελι|όθη μ[ηνί] Ἀπ|ριλίου ι´
 «Здесь лежит Стефан, благочестивый сын Рикимера, скончался 10 апреля».

Возможно, отцом покойного был гот, находившийся в византийской армии. Во всяком случае, для чужеземцев военная служба была основным каналом интеграции в социум империи. Примечательно же то, что покойный был известен под греческим именем *Стефан*, тогда как его отец носил имя, имеющее германскую этимологию, — *Рикимер* [Förstemann, 1856, 1049; Schönfeld, 1911, 189–192; Топорова, 1996, 31].

Вместе с тем следует обратиться к надгробной эпитафии из Лаодикеи в Писидии (совр. Ладик), которая датируется V столетием [Calder, 1955, 36–37, № 6]:

[† Φ]λά. Ἀλέξανδρος ὁ ΑΛΑΜ[.]ΡΙΑΚΟΣ σὺν τῇ | συνβίῳ μου | Θεοσεβίῃ | ἔνθα |
κατάκτε. ε[ῖ] | τις βαλῖ ξένον | ἢ ἐπαρῖ τὸν λίθον τοῦτόν | ποτε ἔσχι πρὸς τὸν Θεόν

Согласно мнению А. Ланьядо, фрагмент ὁ ΑΛΑΜ[.]ΡΙΑΚΟΣ следует прочесть как Ὡλαμηριακός, что являет собой восточногерманское имя [Laniado, 1999, 168–170]. Следовательно, перевод надписи таков:

«† Флавий Александр Валамериак с моей супругой Феосевией здесь покоится. Если кто-то поставит [на этом месте] постороннее или поднимет этот камень, ему придется иметь дело с Господом».

За гентилицием *Флавий* следует сначала греческое имя усопшего (вероятно, крестильное), и лишь после него стоит антропоним, который отсылает к германскому происхождению покойного. При этом нужно отметить, что латинский суффикс *ас-* (как и греческий *ак-*) выражает принадлежность, происхождение субъекта, обозначает его связь с кем-либо или чем-либо. Можно сделать вывод, что *Александр*, обретший покой в Лаодикее, был потомком некоего гота *Валамера* [Förstemann, 1856, 1234; Schönfeld, 1911, 250–251; Топорова, 1996, 33].

* * *

Как заметил У. Хуттнер, на надмогильных эпитафиях германцев никогда не сообщалось их место рождения. Между тем такая практика была широко распространена среди уроженцев империи: сирийцев, фригийцев, галатов и др. Таким образом, для иммигрантов имена оставались единственным маркером, обозначившим их происхождение [Huttner, 2018, 196]. К тому же в Восточной Римской империи германцы представляли собой разрозненные группы меньшинств. Как следствие, они достаточно быстро растворились в чуждой им культурной среде.

По всей видимости, наибольшую устойчивость в сохранении памяти о предках проявили те жители германских поселений во Фракии, которые до конца VI в. в незначительной мере взаимодействовали с автохтонными провинциальными сообществами. Воины, служившие в Малой Азии, прекращали или сводили к минимуму контакты с прежним социальным окружением, вследствие чего утрачивали родовые идентичности. Что касается готов, вошедших в состав высшей

восточноримской аристократии, то многие из них долгое время стремились публично обозначать свое происхождение от выходцев из *barbaricum*. Впрочем, с течением времени эта традиция была предана забвению.

Источники

- Степанова Е. В. Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006.
- Amm. Marc. — *Ammianus Marcellinus*. History. Vol. 1 / with an English transl. by J. C. Rolfe. London ; Cambridge (Mass.) : W. Heinemann : Harvard Univ. Press, 1935.
- Calder W. M. Early-Christian Epitaphs from Phrygia // *Anatolian Studies*. 1955. Vol. 5. P. 25–38.
- CIL — *Corpus inscriptionum latinarum*. Vol. 11. P. 2. Fasc. 2 / ed. E. Bormann. Berolini : G. Reimer, 1926 ; Vol. 13. P. 2. Fasc. 1 / ed. O. Hirschfeld, C. Zangemeister. Berolini : G. Reimer, 1905.
- Ioann. Ant. fr. — *Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia* / rec. S. Mariev. Berolini ; Novi Eboraci : W. de Gruyter, 2008.
- Ioann. Bicl. — *Ioannis abbatis Biclarensis Chronica* // *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. T. 2 / ed. Th. Mommsen. Berolini : Weidmann, 1894. P. 207–220.
- Iohan. Ephes. — *The Third Part of the Ecclesiastical History of John, Bishop of Ephesus* / transl. by R. Payne Smith. Oxford : Oxford Univ. Press, 1860.
- Iord. Get. — *Iordanis Romana et Getica* / ed. Th. Mommsen. Berolini : Weidmann, 1882. P. 53–138.
- Lib. Brev. — *Liberati Carthaginensi Diaconi Breviarium* // *Patrologia Latina*. Vol. 68 / acc. J. P. Migne. Paris : Garnier frères, 1866. C. 969–1052.
- Malal. — *Ioannis Malalae Chronographia* / rec. I. Thurn. Berolini ; Novi Eboraci : W. de Gruyter, 2000.
- Marc. Com. — *Marcellini v. c. comitis Chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a. DXXXIV cum additamento ad a. DXLVIII* // *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. T. 2 / ed. Th. Mommsen. Berolini : Weidmann, 1894. P. 37–108.
- Μηλιόπουλος Π. Βυζαντινὰι τοποθεσίαι // *Byzantinische Zeitschrift*. 1930. Bd. 29, H. 2. Σ. 245–247.
- Menand. fr. — *History of Menander the Guardsman* / introd. essay, text, transl. and notes by R. C. Blockley. Liverpool : F. Cairns, 1985.
- Nik. Brev. — *Nikephoros, Patriarch of Constantinople*. Short History / text, transl., and comment. by C. Mango. Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990.
- Proc. BP. — *Procopius*. History of the Wars. Vol. 1 / with an English transl. by H. B. Dewing. London ; New York : W. Heinemann : G. P. Putnam's Sons, 1914.
- Proc. BV. — *Procopius*. History of the Wars. Vol. 2 / with an English transl. by H. B. Dewing. London ; New York : W. Heinemann : G. P. Putnam's Sons, 1916.
- Schneider A. M. Gotengrabsteine aus Konstantinopel // *Germania*. 1937. Bd. 21. S. 175–177.
- SEG — *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. 34 / ed. H. W. Pleket, R. S. Stroud. Amsterdam : J. C. Gieben, 1984 ; Vol. 53. P. 2 / ed. A. Chaniotis, T. Corsten, R. S. Stroud, R. A. Tybout. Leiden ; Boston : Brill, 2007.
- Theoph. — *Theophanis Chronographia*. Vol. 1 / rec. C. de Boor. Lipsiae : B. G. Teubner, 1883.
- Zach. — *The Syriac Chronicle Known as that of Zachariah of Mitylene* / transl. by F. J. Hamilton, E. W. Brooks. London : Methuen & Co., 1899.

Исследования

- Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М. : Языки русской культуры, 1996.
- Чкалова А. А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII века. М. : Наука, 2010.

- Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997.
- Begass Ch.* Ein Areobindas in einer neuen Inschrift aus Gortyn, Kreta (SEG 56, 1049) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2014. Bd. 190. S. 141–144.
- Brandes W.* Familienbande? Odoaker, Basiliskos und Harmatios // Klio: Beiträge zur alten Geschichte. 1993. Bd. 75. S. 407–437.
- Brandes W.* Thüringer/Thüringerinnen in byzantinischen Quellen // Die Frühzeit der Thüringer. Archäologie, Sprache, Geschichte / hrsg. von H. Castritius, D. Geuenich, M. Werner. Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2009. S. 291–327.
- Förstemann E.* Altdeutsches Namenbuch. Bd. 1. Nordhausen : F. Förstemann, 1856.
- Greule, Springer, 2009 — Namen des Frühmittelalters als sprachliche Zeugnisse und als Geschichtsquellen / hrsg. von A. Greule, M. Springer. Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2009.
- Haubrichs W.* Chancen, Risiken und Methoden einer anthroponymischen Interferenz-Onomastik. Eine Einführung in die Thematik des Kolloquiums // Kulturelle Integration und Personennamen im Mittelalter / hrsg. von W. Haubrichs, Ch. Jochum-Godglück. Berlin ; Boston : W. de Gruyter, 2019. S. 1–23.
- Haubrichs, Jochum-Godglück, 2019 — Kulturelle Integration und Personennamen im Mittelalter / hrsg. von W. Haubrichs, Ch. Jochum-Godglück. Berlin ; Boston : W. de Gruyter, 2019.
- Huttner U.* Germanen in frühbyzantinischen Inschriften: Vom Namen der Person zur Identität der Gruppe // Gephyra. 2018. Vol. 16. S. 185–204.
- Laniado A.* Un anthroponyme germanique dans une épitaphe chrétienne de Laodicée ‚Brûlée‘ // Tyche: Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 1999. Bd. 14. P. 167–171.
- Meier M.* The Roman Context of Early Islam // Millennium: Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. 2020. Bd. 17. P. 265–302.
- PLRE — The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2–3 / ed. by J. R. Martindale. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980–1992.
- Scharf R.* Foederati: Von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung. Wien : A. Holzhausen, 2001.
- Schönfeld M.* Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg : C. Winter, 1911.
- Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. 2. Paris : Desclée de Brouwer, 1949.
- Storm G.* Vore Forfædres Tro paa Sjælevandring og deres Opkaldelsessystem // Arkiv för nordisk filologi. 1893. Hf. 9. S. 199–222.

Рукопись поступила в редакцию 31.03.2021

* * *

Назаров Андрей Дмитриевич
инженер-исследователь Уральского
гуманитарного института
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Nazarov, Andrey Dmitrievich
Research Fellow, Ural Institute of Humanities
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: andrey.nazarov451@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8519-9191>

Andrey D. Nazarov

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

NAMING AND IDENTITIES OF GERMANIC IMMIGRANTS IN THE EASTERN ROMAN EMPIRE (5th–6th CENTURIES)

The article studies naming conventions among Germanic immigrants who settled in the Eastern Roman empire during the Migration Period. The author uses information from both narrative and epigraphic sources. Many immigrants, finding themselves in a cultural environment alien to them, sought to preserve their own identities. As a means of maintaining family memory, some Goths who lived in Byzantium gave their children names that would testify to their Kinsmanship. This was typical of some families among the highest Byzantine nobility having barbarian origins. This indicates that the social environment of these immigrants and their descendants generally treated them favorably. However, since the second half of the 6th century, members of such families began to appear mainly under Greek and Latin names, which can be stemmed from the growth of religiosity in the aristocratic circles. The processes of integration and assimilation for ordinary migrants largely depended on the social environment and the nature of contacts with it. Thus, many Goths who lived in Thrace retained their identities at least until the end of the 6th century. In all likelihood, they lived apart from the indigenous people. As a result, the tradition of naming their own descendants by Germanic names existed among them for a long time. Finally, Goths, whose military service took place in Asia Minor, quickly assimilated to the new environment. In all cases known to us, their sons received non-Germanic names.

Key words: Eastern Roman empire; Byzantium; Goths; social memory; Germanic anthroponymy; naming; assimilation

- Amory, P. (1997). *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Begass, Ch. (2014). Ein Areobindas in einer neuen Inschrift aus Gortyn, Kreta (SEG 56, 1049). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 190, 141–144.
- Brandes, W. (1993). Familienbande? Odoaker, Basiliskos und Harmatios. *Klio: Beiträge zur alten Geschichte*, 75, 407–437.
- Brandes, W. (2009). Thüringer/Thüringerinnen in byzantinischen Quellen. In H. Castritius, D. Geuenich, & M. Werner (Eds.), *Die Frühzeit der Thüringer: Archäologie, Sprache, Geschichte* (pp. 291–327). Berlin; New York: W. de Gruyter.
- Chekalova, A. A. (2010). *Senat i senatorskaia aristokratiia Konstantinopolia. IV — pervaiia polovina VII veka* [Senate and Senatorial Aristocracy of Constantinople: 4th — Early 7th Century]. Moscow: Nauka.
- Förstemann, E. (1856). *Altdeutsches Namenbuch* (Vol. 1). Nordhausen: F. Förstemann.
- Greule, A., & Springer, M. (Eds.). (2009). *Namen des Frühmittelalters als sprachliche Zeugnisse und als Geschichtsquellen*. Berlin; New York: W. de Gruyter.
- Haubrichs, W. (2019). Chancen, Risiken und Methoden einer anthroponymischen Interferenz-Onomastik. Eine Einführung in die Thematik des Kolloquiums. In W. Haubrichs, Ch. Jochum-Godglück (Eds.), *Kulturelle Integration und Personennamen im Mittelalter* (pp. 1–23). Berlin; Boston: W. de Gruyter.
- Haubrichs, W., & Jochum-Godglück, Ch. (Eds.). (2019). *Kulturelle Integration und Personennamen im Mittelalter*. Berlin; Boston: W. de Gruyter.

- Huttner, U. (2018). Germanen in frühbyzantinischen Inschriften: Vom Namen der Person zur Identität der Gruppe. *Gephyra*, 16, 185–204.
- Laniado, A. (1999). Un anthroponyme germanique dans une épitaphe chrétienne de Laodicée ‚Brûlée‘. *Tyche: Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*, 14, 167–171.
- Martindale, J. R. (Ed.). (1980–1992). *The Prosopography of the Later Roman Empire* (Vols. 2–3). Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Meier, M. (2020). The Roman Context of Early Islam. *Millennium: Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr.*, 17, 265–302.
- Scharf, R. (2001). *Foederati: Von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung*. Wien: A. Holzhausen.
- Schönfeld, M. (1911). *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*. Heidelberg: C. Winter.
- Stein, E. (1949). *Histoire du Bas-Empire* (Vol. 2). Paris: Desclée de Brouwer.
- Storm, G. (1893). Vore Forfædres Tro paa Sjælevandring og deres Opkaldelsessystem. *Arkiv för nordisk filologi*, 9, 199–222.
- Toporova, T. V. (1996). *Kul'tura v zerkale iazyka: drevnegermanskije dvuchlennye imena sobstvennye* [Culture in the Mirror of Language: Old Germanic Binary Proper Names]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Received on 31 March 2021